

Любовь на крыльях самолета.

« Ищите меня там, что я пишу...» Экзюпери

Мальчишки играли не далеко от хутора Кожевня. Летнее солнце согревало голые спины сорванцов, которые просто маялись от безделья. Футбол уже надоел, купание в речке то же, исследование заброшенных шахт – дело, конечно авантюрное, но наказуемое. Идеи новые в голову не приходили.

- Я вчера на бугорке, у поваленной березы, видел красивую гадюку! На солнце нежилась, падлюка! – начал свой рассказ Федька Сачок – лежит, и так на солнце вся блестит...

- Сейчас они в лесу «лазают и лазают», - добавил его младший брат Никола.

- Вот, дядя Федя говорил, что вчера машину заправлял у Дмитровки, так видел в лесу такое «море» грибов. Может, слетаем и насобираем? – предложил третий из мальчишек, Сережа, который был убедителен. Он был постарше, и голос его, уже с мужскими нотками, придавал уверенность сказанному.

- Можно, все равно занятий никаких нет, - поддержал друга Федя, - тогда побежали!

И мальчишки весело сорвались в направлении села. Июльское солнце превратило их в бронзовых сорванцов.

Время бежало быстро. В порванной Колькиной майке, грязной до неузнаваемости, лежали сыроежки и « дуньки»

- Федь, а что, партизаны то же ели грибы? – спросил брата Коля.

- Конечно, и « дуньки» ели даже сырыми. Промыть только хорошо надо от земли. Их еще свинушками кличут, - ответил брат.

Белых грибов ребята не нашли, но очень уж хотелось. Жаренные на костре, они пахли необыкновенным ароматом леса и лета. И так хотелось их отведать...

Маленький Коля, хотя он таковым себя не считал в свои пять лет, размахивал палкой и изображал из себя рыцаря над всей лесополосой. Летала «сабля» над жуками и комарами, наводя страх и ужас.

- Уж, ребята, ужик! – закричал Коленька – вот я его, вот...

И мальчишка стал выковыривать спрятавшегося в углублении канавы пресмыкающегося.

- Ой, мальчишки, а тут шапка какая-то – вдруг закричал Коля.

Сергей и Федя подбежали к нему.

- Это не шапка. Это летный шлем! – сказал Федя, и потянул его за конец.

- Не трогай, это летчик. Не трогай! – голос Сережи остановил друзей, и они отстранились от находки, – Надо позвать кого-то из взрослых. Ничего не трогайте. Ай да за дядей Федей.

Уже через несколько часов, ребята пришли с Федором Андреевичем.

Он принес большую деревянную коробку и стал осторожно в нее складывать истлевшие вещи с останками погибшего летчика. Мальчишки молчаливо стояли рядом. В коробку осторожно ложились: сапоги, одежда, летный шлем, ремень, кобура, останки погибшего.

- Этот пилот была девушка, - сказал Федор Андреевич – она была ранена в голову.

И ребята обратили внимание, что в черепе, в лобной части, было отверстие от пули с размером в двухкопеечную монету. Шансов от ранения выжить, у летчика не было.

Федор Андреевич был очень взволнован. По нему было видно, как ему, фронтовику, трудно было сдерживать эмоции волнения.

Когда все было сложено, ребята увидели картину, которую никто не сможет забыть...

На календаре этого дня, было 12 июля 1969 года.

К сельсовету подъехала машина военкома и ребята уже не слышали о чем говорили в здании. Они как вкопанные стояли и ждали, когда выйдут взрослые.

- Ну, Колька, как это ты! Интересно, а документы там есть? – прервал молчание Сережа.

- Нет, дядя Федя бы сказал, - произнес его тезка.

- А с чего вы взяли, что это летчик – женщина? – любопытствовал самый маленький из ребят.

- Дядя Федя сказал, ему виднее. Там белые косички были и белье, какое мужчины не носят, - разъяснил Сережа.

- Знаешь, мне бабка Ульяна, как-то рассказывала, что во время войны, в 43 году, в начале августа, в лесу, деревенские нашли упавший наш самолет между двумя деревьями, в четырех километрах от хутора. Может, пойдём к ней и все расспросим? – предложил Федор.

- А что, это дело. Мы все и разузнаем, пока они там совещаются.

И мальчишки, что есть прыти, помчались в сторону деревни...

Девочки, из двести девяносто шестого,
Красавицы, с небес окрыленные дивы!
Как же боялись полёта ночного,
Люфтваффе, видя ваши машины!
А вы, словно звезды, скрывались с неба.
Что знали, в свои двадцать лет?
Как же война, в этом мире нелепа
Когда в место свадеб – кровавый по небу след.
Женскими, нежными руками,
В ночь, поднимали свои самолёты,
Страха не знали вы?- Да знали, вы знали!
И так стремительны были полёты:
За крик неродившихся вами деток,
За мамину боль и слезу -
Каждый прицел был меток,
И все разрывалось внизу.
За недолюбленность, осиротелость,
За самых любимых мужчин,
Которых любить хотелось,
До старости и до седин.
За эту, родную землю,
Где ласточка гнездышко вьет,
Где крестят детей в купели,
А радуга небо над домом гнет....

Дом на Новослободской.

« Сагдуллаев (Ромео): Слушай! Я не знаю, какой мы с тобой подвиг совершим, но то, что эта девочка на войне...это...» (Х/Ф «В бой идут одни старики»)

Бегу на работу, опаздываю. Вдали вижу, что моя маршрутка поворачивает со своей стоянки и понимаю, что у остановки он будет через пять минут. Если, после пешеходного перехода, я пойду по тротуару, то не успею. А если «отрежу» угол и пойду вдоль дороги – успею. Принимаю второе решение и с радостью, втискиваюсь в маршрутку. Несколько метров дороги, которые я прошла, они, как бы ни для меня. Я это понимаю. И что нарушила правила дорожного движения – то же понимаю. Но в голову пришла неожиданная мысль: а кто сказал, кто определил, что этот кусочек дороги «вне правил» - не мои? Они были моими в то мгновение, когда я приняла решение – добежать до маршрутки и успеть приехать вовремя на работу. Минуты «вне правил»... Когда мы используем их по максимуму, что бы достичь своей цели. И как в нашей голове рождаются мысли, которые в секунды, нам дают расчет безопасности этих минут «вне правил».

Есть такая летная веселая поговорка, что летчику нужно в голове две извилины, что бы взлететь и чтобы сесть. Вспоминаю ее в маршрутке. Улыбаюсь. Мне достаточно, наверное, одной – чтобы взлететь.

Вспоминаю записи в своем ежедневнике и планирую, что бы успеть сделать все вовремя. И вечером спокойно встретиться с одним очень интересным человеком, который прилетает из Санкт - Петербурга, что бы встретиться со мной. Мы договорились найти друг друга на улице Новослободская , 14. И это неспроста. Ой, как неспроста.

Время на работе пролетает, словно самолет по заданному и знакомому маршруту. Я подправляю прическу, подкрашиваю губы и несусь в метро. Я считаю минуты до встречи. Скорее бы. Бегу от метро по улице и рассматриваю здания. Издали, заметив кафе

«Вареничная», которое недавно открыли по указанному адресу, остановилась и посмотрела вверх. У самой крыши вижу год постройки 1914 год. Это здание построил архитектор С. А Чернавский для купца Курникова. Да, время все меняет с какой-то немислимой небрежностью. Сегодня здесь «Вареничная» в стиле советского времени, а сто лет назад здесь был магазин, где торговали рыбой и мясом. Москвичи долго помнили этот магазин, и еще в восьмидесятые года так и говорили: « у Курникова», « пойти к Курникову».

Вбегаю в кафе. Немислимый размах люстр в сравнительно небольшом помещении. Ловлю себя на мысли, что эти люстры, так же были прекрасны и сто лет назад, хотя понимаю, что время сменило и их самих, и стиль, да и свет.

- Оля! – поворачиваю голову и улыбаюсь.

Красивая женщина, с утонченным и врожденным аристократизмом, сморит на меня.

Вот так бывает, живем-живем, проходим сто раз мимо друг друга, и тут, за секунду, человек становится таким близким и понятным. Даже не верится. Из Питера, почти богиня, оваянная какой-то аурой богемы и Балтийским ветром красавица, до которой можно дотронуться, поговорить и услышать ее неповторимый голос.

Мы садимся за один столик у самого окна, сквозь стекло которого, в суматохе обычного дня, спешит сегодняшняя Москва.

- Вот мы и встретились, - говорит мне Жанна – и здесь, в доме Лиды. Символично как-то, словно она нас в гости к себе пригласила.

- Может вина за встречу? – спрашиваю я, и вижу карие и огненно-звездные глаза, которые не отводят взгляда и от моих глаз.

Несколько месяцев назад, я прочла в интернете потрясающую статью о женщине-летчике, Герое СССР, Лидии Владимировне Литвяк. Статья была напечатана в «Самиздате» еще 13 лет назад. Мне она показалась очень трогательной и интересной. Прочитав, я тут же отправила письмо автору, и вот результат – мы сидим напротив друг друга, автор и я.

96 лет назад, 18 августа 1921 году, в этом доме, на Новослободской, 14, в квартире 88 родилась наша Героиня, девушка, равной которой нет на сегодняшний день в авиации, которую так нежно называли - Белая Лилия.

События давно ушедших лет очень трудно описать правдиво и реалистично. Их можно только постараться принять и понять как можно точно, насколько это возможно. А может, и я в этом убеждена, что люди, о которых ты хочешь сказать, они будут подсказывать тебе, помогать. Ты будешь чувствовать их через находившихся рядом с тобой единомышленников, через книги, фильмы, эмоции, переживаемые ощущения. А если ты пишешь о летчике –

то через Небо!

- Зайдем в арку - говорит мне Жанна, после того, как наговорились в кафе.

Вечер, огни московских улочек, старый двор. Мы обе поднимаем голову вверх и понимаем, что смотрим в то небо, которое видела Лида. В этом же дворе, если на него посмотреть сверху, мало что изменилось. Мы смотрели Лидиными глазами....

Глядя на ночные звезды, в полной тишине, я вдруг поняла, как я хочу написать об этой отважной летчице. И хочу рассказать о ней через любовь. Да. Через ЛЮБОВЬ. Такую простую, женскую любовь, цена которой – жизнь.

Любовь – это когда душа, находит свое отражение в другом человеке, потому, что во взгляде влюбленного, отражаются звезды, которые светят для этих двоих.

Так получилось, что для Лиды и ее любви, были уготовлены две Звезды Героев Советского Союза. Для нее и ее любимого человека – Алексея Соломатина.

Бунаково.

Ранним февральским утром, разогревая в 4 утра машину, я строила маршрут на карте от Переделкино до деревни Бунаково Ферзиковского района Калужской области.

Решение отправиться в столь отдаленную деревенскую глушь, пришло мне совершенно случайно, узнав, что именно здесь родился Алексей Соломатин. Человек, который стал для моей героини самым родным в небе и на земле. До сих пор, я не могу себе объяснить, что подтолкнуло меня к этому шагу.

Собрав с собой небольшую провизию и термос с кипятком, определив маршрут, я включила зажигание.

- С Богом – сказала я, и машина стала тихо отъезжать от дома. Расчетное время до Калуги около 3 часов и до деревни еще сорок минут.

До рассвета успею, подумала я, и добавила газ.

Машина плавно начала движение.

Обычно, когда преодолеваешь большое расстояние, есть возможность подумать, собраться с мыслями. Дорога дает невероятное долгое стабильное состояние – концентрации в самом себе. В этот раз я слушала аудиозапись «Последний дюйм» Джеймса Олдриджа. Я очень люблю это произведение. Возможно потому, что прочитав рассказ еще девочкой, я впервые задумалась над тем, что в человеке, даже маленьком, спрятана необыкновенная энергия, которая в критические минуты, может за считанные секунды сделать его взрослым. Тогда, в моем воображении взлетал одномоторный моноплан «Тейлоркрафт», управляемый мальчиком, и мое сердце замирало от восторга от этого смелого мальчишки, который спасал отца от смерти. Мальчишки, который впервые взял штурвал самолета и смог его поднять в небо.

Голос актера, был спокоен, и каждое слово ложилось так же спокойно на сердце.

«На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он всё-таки потерял самообладание; им завладел страх.... Но вот хвост и колёса коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолёт, он забуксовал и описал на земле круг, а потом замер, и наступила тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умереть и совсем не хотел сдаваться.

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле лётчика нашлись решающие всё дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что всё уже кончено, они берут своё..».

Этот текст был выбран неспроста в этот день. Мне не хотелось слушать музыку, хотелось хорошего слова. «Почему автор так назвал свой рассказ – «Последний дюйм»?» - думала я – «Дюйм –

25 мм. Неужели 25 мм так могут многое в посадке самолета? Или автор хотел подчеркнуть, что даже самая малая величина, достойна тому, что бы на нее положиться, когда этого потребует ситуация. Или он хотел подчеркнуть, что даже самой малой величиной ни в коем случае пренебрегать нельзя».

Так незаметно, вдумываясь в каждое слово, я приехала к пункту назначения. Вот и дорожная надпись «Бунаково». И вот она – жизнь вне асфальта и железобетона. Повернув на левую сторону реки Карманья, дорога вела в самую деревню. Колеса стали проваливаться в замерзшие ямы. «Хорошо, что минусовая погода, а то бы застряла навечно»- подумала я. Навстречу мне шли уже в уважаемом возрасте две женщины.

Я остановилась и обратилась к ним.

- Извините за беспокойство. Вы мне не поможете? Я ищу в деревне тех, кто хоть какое-то имеют отношение к Герою летчику, Соломатину Алексею Фроловичу.

У женщин в глазах сразу отразилось непонимание. Они пожали плечами. И, простившись с ними, отправилась дальше.

Через 200 метров, показались первые дома деревни. Я остановилась и немного застыла в ужасе. Покосившиеся заборы, неухоженные дома, начинали меня пугать. Забора, на лавочке сидел одиноко мужчина. Судя по его внешнему виду, крепкие напитки ему полностью замещали еду. Он снял кепку, приветствуя меня, с надеждой, что, а вдруг, я ему налью. Я остановилась.

- Вы местный житель? – обратилась к незнакомцу.

- Туташний. А вы с чем к нам и к кому?

- Я ищу хоть кого-то, кто нал семью Соломатиных, которые тут жили до войны.

- Ну, нашла чего тут искать? Дашь чего, подскажу, может...

Я вытащила из багажника бутерброды.

- Колбаса? Ну, садись. Поговорим.

Я присела на лавочку рядом.

- Так ты, значит, Соломатиными интересуешься? – стал расспрашивать меня незнакомец, разворачивая бутерброд – Я, лично, никого не знаю. Врать не буду. Но знаю кое-чего. Если тебе надо те Соломатины, что жили в деревне до войны, то тут ты уж никого не найдешь по причине того, что сама деревня полностью сгорела во время войны. Ее не восстанавливали. А эти дома – это

«совковские», колхозные, когда он был. Одно знание есть, что осталось. Оно как раз и получается на краю деревни. Но там живут пришлые дачники. И то только летом.

- Скажите. А в старой деревне был храм или церковь?- спросила я, рассчитывая зацепиться хоть за эту ниточку.

- Был. Одна яма сейчас вместо него. Его не война разрушила. Сами взорвали. Чего ее уничтожили? Кому она мешала? Уже и не спросить, никого не осталось от ого времени. Одна яма да мусор в ней. Слушай, памятник есть. Герою какому-то.

- Где? – я чуть не подпрыгнула.

- А вот прямо поедешь, на перекрестке свернешь направо и до телефонной будки.

Я не стала медлить, понимая, что надо срочно ехать туда. И вот уже этот поворот, и вот уже я вижу прицепленный телефон...

Выхожу из машины, и стою молча.

Подхожу ближе и читаю:

« Памятник Герою Советского Союза, летчику Соломатину А.Ф.»

Что я испытывала в этот момент? О чем думала?

Перед моими глазами было фото прекрасного юноши в военной форме. Парня, который отдал жизнь за Родину, за то, что бы мы жили.

Я не помню такой тишины. Словно все остановилось в этом мире в этот момент.

Почему, почему так происходит? Он же Герой Страны! Мы стали черствыми и жестокими. Мы стали много говорить, но мало что делать. И так во всем. Мы выходим с фотографиями на 9 мая, идем улицами, а в 200 км от Красной площади, стоит заброшенный памятник Герою, имя которого почти неизвестно современникам.

А то, что этот мальчик, горя в самолете, падал спасая машину, шел к этой Победе не щадя своей жизни, делал это ради нас. Что же с ними произошло за эти годы? Что?

Слезы подступили к глазам.

- Прости нас, Алеша. Прости ... Сегодня 18 февраля – Прощеное воскресенье. Прости.

И тут, взгляд у меня упал на дату рождения. Я отступилась от неожиданности – 12 февраля 1921 года. Неделю назад у него бы День Рождения!

Я достала из сумки конфеты и положила у оградки.

- Алеша, я вернусь сюда с друзьями. Мы уберем все, посадим цветы. Мы вернемся.

Машина вышла на трассу и набрала скорость. Я видела перед глазами войну.

Перед глазами, у меня были образы двух молодых людей Лиды и Алеши.

Лидочка – нежная, хрупкая, белокурая с легкими кудрями. Тоненькую талию плотно облегает офицерский ремень, к которому прикреплен кортик – подарок любимого человека. С ним Лида никогда не расставалась. Лида всегда отличалась от всех своих летних подруг. В ней была необыкновенная женственность. Она ее подчеркивала или платочком на шее, или мехом комбез обошьет, или сошьет белье из негодного парашюта – шелковый же. Чистый и открытый взгляд, почти детский.словно ангел на земле среди беснующего ада войны. Скромная красавица с глазами неба, родилась почти в центре Москвы, что бы встретить простого деревенского парня из многодетной крестьянской семьи. Но что-то было в этом парне такое, что из всех ребят, которые уделяли Лиде внимание, именно он запал ей на сердце.

Алеша – высокий, стройный, глубоко посаженные глаза, которые подчеркивали темные ресницы и брови. Красивые волевые губы, подбородок.

Алеша и Лида были очень красивой парой.

Сегодня летчики надевают белый подшлемник, но мало кто задумывается, что придумала это женщина на войне, чтобы волосы не портились во время боя. Это придумала Лида. Была у нее и меховая безрукавка, сшитая из летной куртки, которую она одевала на выворот. Рукава не давали вольного движения рук и головы. Вот она их и оторвала. И держалась она всегда статно как-то. Всегда была спина прямая. Толи врожденная была у нее истинная интеллигенция, или воспитывалась она так. Но факт – есть факт.

Лида была вынослива, выдержанна, в бою очень решительна и собрана, хладнокровна. После боя никогда не хвасталась своими победами, но возвращаясь, могла над аэродромом покружить и «погусарить», за что иногда доставалось. Была у Лиды такая характеристика командира – она «видела воздух». Ее манера пилотирования, напоминала чкаловский. Белая Лилия на фюзеляже ее самолета – сегодня может быть и легенда, но смысл точен. Она была свободным охотником в небе – сопровождала и прикрывала штурмовики Ил-2 на своем Як-1 с желтым номером на борту 44. А это особое задание даже для мужчины. Элита авиации. Не любила Лида говорить о семье. Может поэтому, много в ее биографии тайного. Это сегодня, если мы хотим понять человека, мы учитываем среду, в которой жил человек, влияние родителей на его воспитание, нравственные ценности семьи. Лида любила читать хорошие книги о приключениях, в которых было много романтики и доброты. Очевидно, что ее аристократизм и утонченность не взялись неоткуда. Они были привиты. Далеко не каждая девушка, придя с боя, наливая чай в солдатскую кружку, а под нее подкладывала салфеточку с кружевом. Если Лида не любила говорить о своих родителях, то это не значит, что она их стеснялась или не любила. Как правило, настоящее чувство афишировать не надо. Выставляют напоказ чувства как раз тогда, когда хотят что-то скрыть и прибегают к фантазии, уводящей от реальности. Была ли мама у Лиды портниха или продавщица магазина, мыла ли пол? Какая разница? Она смогла вложить в свою дочь хрупкое и нежное сердце, воистину достойной девушки. Да и какая разница кто был ее отец – машинистом электропоезда или служащим на железной дороге. Он любил ее и заботился, сколько и как мог в это непростое время на перекрестке революций и советской власти. В некоторых статьях пишется о том, что на доме, где родилась и выросла Лида – есть мемориальная доска. Это неправда. Нет никакой доски, которая говорила бы прохожим, что в этом доме родилась и ушла на фронт молодая девушка, которая стала Героем, самой смелой и отважной летчицей всех времен и народов.

Всего за год на войне с 42 по август 43-го, она совершила 168 боевых вылета, совершив 12 личных побед и 4 в групповых.

Алеша, Алексей Фролович Соломатин.

Лида была приставлена к нему ведомой, в январе 1943 года на Южном фронте. Так распорядилась судьба.

Ей сразу приглянулся этот парнишка, с погонами старшего лейтенанта, командир эскадрильи 296 го истребительного авиаполка, 268 дивизии, 8 воздушной армии. Он уже был Героем Советского Союза за проявленное мужество и героизм. Из 288 вылетов, 108 воздушных боев, в которых лично сбил 12 самолетов и 15 в

группе. Сохранилось всего лишь несколько фотографий, где они вместе: Лиля, Алеша и самолет.

Красивый, смелый и мужественный парень, летчик! И Лида влюбилась. У них было у обоих одинаковое количество сбитых вражеских самолетов, а на двоих – 24 за год службы.

Жаль, что среди разной информации, которые оставили сослуживцы в своих воспоминаниях о них, много есть того, что называется «домыслием» или клеветой. Но мало кто написал в воспоминаниях о их любви. Была ли у молодых хоть какая-то свадьба? А если была, то, как это все было тогда, на войне...

Сегодня страшно стыдно читать нелепости, в которых обвиняют Лиду в том, к чему она не была причастна. Глупые люди. Они не понимают, почему короли на свою мантию надевали мех горноста. Это гордый маленький зверек, предпочтет смерть, чем замарает свою шкурку в грязь. Символ чистоты и достоинства, благородства и чести - «Лучше умру, чем запятнаю себя». От первой их встречи, до гибели Алексея пройдет четыре месяца. ЧЕТЫРЕ! Четыре месяца любви на двоих, как и на Лилином самолете – две четверки. Но может быть рядом эти цифры, как пол-века которые они хотели прожить, но не смогли. Алеша погиб на глазах у Лиды 21 мая не дотянув свой самолет до аэродрома. Лида, похоронив его, потом лучшую подругу, и сама погибла 1 августа того же 43 года.

Похороны Алексея Соломатина в Павловке. Командир полка Гольшев произносит речь. Лиля Литвяк стоит у могилы между Катей Будановой и Александром Мартыновым. Май 1943 г. (Из коллекции Музея боевой славы при гимназии № 1, г. Красный Луч, Украина)

Ты мой Герой! Бог дал нам крылья!

И дал желание летать.

Взлетает наша эскадрилья,

Чтоб вместе с честью воевать.

Пусть не вернулись с боя оба:

Сначала ты, потом и я.

Но вместе мы слезинкой неба

Вернемся из небытия.

И зацветут сады повсюду,

Заколыхается трава.

Любовь моя подобно чуду,

Ее не победит война.

